

Ольга
Славникова

Ольга
Славникова

2017

Роман

редакция
Елены Шубиной

Издательство
АСТ
Москва

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
С47

Художник Андрей Рыбаков

Славникова, Ольга Александровна.

С47 2017 : роман / Ольга Славникова. — Москва : Издательство АСТ : Редакция Елены Шубиной, 2017. — 605, [3] с. — (Новая русская классика).

ISBN 978-5-17-982511-1

Роман «2017» принес прозаику Ольге Славниковой широкую известность и был удостоен премии «Русский Букер» в 2006 году.

2017 год. Большой уральский город. Мир горных духов.

Главный герой — талантливый гранищик камней, его друзья — хитники — члены закрытого клана, одержимые добычей драгоценных камней. Его возлюбленная не называет имени, он не знает ее адреса, хотя у него есть ключи от ее квартиры... Постоянный вызов судьбе, постоянная игра. Свидание всегда назначается только одно, каждая вылазка в горы может стать последней. А вместе с тем приближается годовщина Октябрьской революции, и на улицах города разыгрывают театрализованные сражения красных и белых, которые превращаются в настоящий переворот.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-982511-1

© Славникова О.А., 2017
© ООО «Издательство АСТ», 2017

| ОГЛАВЛЕНИЕ |

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ	7
ЧАСТЬ ВТОРАЯ	60
ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ	132
ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ	182
ЧАСТЬ ПЯТАЯ	243
ЧАСТЬ ШЕСТАЯ	318
ЧАСТЬ СЕДЬМАЯ	410
ЧАСТЬ ВОСЬМАЯ	465
ЧАСТЬ ДЕВЯТАЯ	531

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Крылову было назначено на вокзале в половине восьмого утра. Непонятно как, но он проспал и теперь спешил бегом среди извилистых луж, похожих растянутыми позами на перепутавших лево и право Матиссовых танцоров. В руках у Крылова болтался пакет, куда был туго забит верблюжий свитер, темневший раздавленным волосом сквозь полинявшую рекламу спутниковых карт. Свитер надо было отдать профессору Анфилогову на замену того, что оказался напрочь уничтожен молью: на севере, в том секретном распадке, куда экспедиции предстояло добираться при удаче три недели и где угревалась на жирном припеке, с потрепанной бабочкой на горячем боку, завезенная зимой на снегоходе бочка бензина, весна еще только вступала в права и под пьяными елями в укрытии их широких черных шалей еще белел присыпанный иглами каменный снежок. Размазывая ботинками сырую кашу облетевшей черемухи, Крылов проскочил привокзальный сквер; взглянув на серую башню с квадратными часами, где стрелка, как

палка слепца, только что ткнула и не попала в римскую IV, он сообразил, что успевает, и даже с запасом.

Слишком легкий в привокзальной толпе, тяжело насыщенной влекомым багажом, Крылов семенил почти на цыпочках за грудой клеенчатых баулов, когда его внимание остановила невесомо одетая женщина с абсолютно пустыми длинными руками, которыми она болтала, словно пытаясь развести в холодном воздухе немного своей теплоты. Незнакомка просвечивала сквозь тонкое марлевое платье и рисовалась в солнечном коконе, будто тень на пыльном стекле. Тело ее обладало странным, вытянутым совершенством тени, а на плече лежал округлый блик, прозрачно-розовый, как маникюрный лак. Между Крыловым и знакомкой толпилось и сновало множество народу, полностью поглощенного собственной поклажей. Никто ничего не видел вокруг, кроме полустертого солнцем табло объявлений, где то и дело сыпались с треском застоявшиеся строки, пока не выскакивали (как бы составляясь из ошибок и на секунду задерживая самую последнюю) названия и номера прибывших поездов. Незнакомка тоже разделяла всеобщую слепоту: она, всеми растопыренными пальцами укрепляя на лице квадратные очки, что-то быстро говорила своему неясному собеседнику, сажавшему половчее себе на кеды мятую дорожную сумку. Только минуты через три до Крылова дошло, что этот собеседник и есть Анфилов Василий Петрович, совершенно ничем не замаскированный, только успевший отпустить табачную щетину, которой за пару месяцев экспедиции предстояло стать его обычной жесткой бородищей с двумя волосяными жвалами и курчавой чернотой на крупном кадыке. Тоже заметив Крылова, Василий Петрович сделал ему повелительно-приглашающий

знак, тем же заходом руки демонстративно выбросив из рукава защитной куртки сверкнувшие часы.

Тут же, смешав приветствия, подскочил деловитый Колян и предъявил Анфилогову целый веер багажных квитанций. Все равно в ногах оказалось еще до черта поклажи, и Крылов поспешно навьючился, накидав на себя брезентовые лямки и каким-то образом (через чьи-то передавшие руки) поручив незнакомке свой неудобный, но легкий пакет. Долговязый Колян, улыбаясь мокрыми железными зубами, влез в постромки лично им пошитой сумки, где весомо покоилась краса и гордость экспедиции: купленный вместо услуг стоматолога японский движок. Василий Петрович, небрежно, будто на вешалку, набросив себе на голову тряпичную кепчонку (все-таки в нем ощущался аристократ и профессор философии), повел свой маленький отряд через промозглый туннель, занятый табором приехавших на заработки азиатских нищих, уже поставивших под жидкий монетный дождик (профессионально чувствуя, где именно протекает здешняя крыша) выдавшие виды коробки из-под жвачки. Незнакомка, с трудом поспевая за невнимательным шагом нагруженных мужчин, забегала то справа, то слева; отчего-то Крылову стали при ней отвратительны эти кучи прогорклого атласного тряпья, откуда тянулись туземные руки, словно веявшие сквозь пальцы недвижный безденежный воздух. То и дело теряя незнакомку во встречном приезде потока, вышибающем дух из всякого зазевавшегося гражданина, Крылов отставал и взглядом ловил впереди ее мелькающие пятки, к которым прилипали, тут же отставая, задники побитых босоножек.

Наконец поднялись на перрон; здесь еще не подали состав, и открытое пространство рельсов и проводов

было пусто, будто перспектива из урока рисования; по лестнице пешеходного моста, схематично начерченного поверх упоительных утренних облаков, восходила, всячески помогая своей детским шагом переступавшей тележке, неопределимая, но удивительно четкая человеческая фигурка. Зверски прослезившийся Колян пытался одновременно курить и зевать, дымя кое-как прикрываемой пастью, будто отсыревшая печь. Анфилогов, собранный, в профиль к суете перрона и к забирающей влево перспективе, где с минуты на минуту ожидалось зарождение поезда, напоминал романтического преступника — кем и являлся в действительности.

— Значит, будь добр, подготовься к работе в середине сентября, — обратился он к Крылову, перейдя на тот сухой отрывистый тон, что снискал ему дурную славу в среде ранимого университетского начальства. — Оборудование до купи, деньги можешь потратить все. Наверстаем с лихвой.

По тому, как Василий Петрович понизил голос — не удостоив, однако, направить его на адресата, но пустив слова на метущий метлою перронный ветерок, — Крылов сообразил, что сказанное не предназначалось для незнакомки, стоявшей чуть поодаль, с мурашками на голых руках, обнимающих пакет. Женщина явно относилась — по сердечной, родственной или служебной части — именно к Василию Петровичу, это отношение никак не прояснившему. Крылов все не мог рассмотреть ее как следует: мельком бросаемый взгляд выхватывал то следы прививок, похожие на овсяные хлопья, то крошечную лаковую сумку, то крупное, мужского кроя, розовое ухо, за которое небрежные пальцы, нарушая равновесие очков, то и дело заправляли коротко обрубленную прядь. Стоя близко от незнакомки, Крылов почему-то терял

представление о собственном росте и не мог определить, выше он ее или все-таки нет. Эта женщина казалась ему абсолютно замкнутой в себе. Вместе с тем она как будто все-таки была посвящена в тайну и цель экспедиции: на щеках ее, заливаясь под очки, гулял малокровный румянец, и общее волнение, скрываемое мужчинами за деловитостью и привычной бравадой, играло в ней неярким матовым огнем.

Теперь Крылову уже хотелось, чтобы Василий Петрович с Колянном поскорее уехали, хотелось их спровадить, чтобы приступить наконец к ожиданию их триумфального возвращения — чем более триумфального, тем более будничного, с грузом каких-нибудь аметистовых щеток для отвода завистливых глаз. Наконец послышался низкий мохнатый гудок: вдали показалась и стала расти, целиком заполняя собою и своими вагонами одну из длинных строительных пустот перспективы, башка тепловоза. Поезд налетел, классически вспугнув побывавшую газету, зашипел тормозами, все медленней поплыли белоногие проводницы, протянулись и встали обжитые окна с частями верхних постелей и заспанных физиономий. Пока Василий Петрович, Крылов и Колян закидывали поклажу в тамбур, пока волокли ее, застревая и шоркаясь, по полосатому от солнца коридору, пока устраивали вещи, по очереди присаживаясь в тесноте купе на голую полку, обтянутую бурым дерматином, — незнакомка стояла внизу, и косая солнечная щель между теньвыми вагонами, похожая на ружье с ослепительным штыком, проходила по ее незагорелым сомкнутым ногам.

Крылов то и дело украдкой поглядывал на женщину сквозь грязное стекло, испещренное похожими на птичий помет следами челябинского либо пермского до-

жда. Временами поезд содрогался, ахающая судорога прокатывалась от головы к далекому хвосту, и тогда Крылову мерещилось, что теневые вагоны потихоньку шевельнулись, будто тронутые ветром большие флаги, солнечная щель переполнилась содержимым — и вот уже, не выдержав, побежала ручейком, попятился налево побитый вокзалище, гуднул, разросся и лопнул встречный состав, открывая холодное пространство с железным озером, засыпанными рыжей хвоей горбатыми валунами, синими горами до горизонта, представляющими собой поросшие лесом прямые углы, — и на лице Анфилогова, лежавшего на голой полке прямо в своей брезентовой одежде, проступил такой же синеватый холод, борода его увиделась заправленной в ворот штормовки, будто шерстяной заношенный шарф.

На самом деле поезд еще стоял, профессор цокал ногтями по толстому стеклу, выглядывая незнакомку, тотчас подбежавшую на знак. Привстав на цыпочки, она распластала на окне четко прорисованную длинную ладонь, Василий Петрович ответно приложил свою — и Крылов поразился, сколь схожи эти руки чем-то латинским в линиях жизни, крупным изяществом пальцевых костяшек. Не дожидаясь больше никаких наставлений и последних церемоний, Крылов поспешно вылез из купе. Определенно он был не в себе, сказывалась, должно быть, бессонная ночь, все видимое было удивительно отчетливо и оставляло в сознании Крылова неосмысленный, необычайно резкий отпечаток. Как только он через две железные ступеньки спрыгнул на перрон, пыльный состав облегченно содрогнулся и, проливаясь на шпалы какими-то остатками технической воды, медленно пошел вдоль ряда провожающих, словно считая

их по головам. Шагая следом за ним, следом за ним ускоряя шаг, Крылов поравнялся с незнакомкой, которая махала ускользящим стеклом, пока не выскочил хвост последнего вагона, похожий на обратную сторону игральной карты. Казалось, не только Крылов, но и все вокруг, увлеченные стремлением поезда на север, надеются на какое-то лучшее будущее. В той стороне, куда ушел состав, крутые скосы над полотном зеленели короткой и яркой травой, стоявшей, будто шерстка, дыбом из-за утренних теней, и на солнечном склоне совсем по-деревенски ходила, шевеля траву невидимой веревкой, маленькая белая коза.

Сперва они держались вместе как бы нечаянно: выход в город был только один — все тот же тоннель, где Крылов сумел удачно стряхнуть повисшего на спутнице азиатского ребенка лет девяти, стервеца с мужскими похотливыми глазами, чья липкая лапка уже почти залезла в ее беззащитную сумочку. На вокзальном крыльце, где им, так и не представленным друг другу, предстояло распрощаться, Крылов внезапно почувствовал, что просто не сможет справиться с одиночеством этого дня, все еще свежего и лучистого, как бы растворявшего при нагревании солнцем мятную сонную муть, — но уже почти набравшего полный объем устрашающей небесной пустоты. Наглаживая рыхлые ступени драными кроссовками, Крылов попытался рассказать какой-то анекдот: женщина вопросительно оглянулась, оступилась, устанавливая на лице поползшие очки, — и Крылову показалось, что эта ее манера близоруко смотреть сквозь пальцы и сквозь поправляемые стекла, не утратившие в квадратах оправы какой-то полной и радужной круглоты, знакома ему как своя. Он продолжил было что-то героически плести, но тут на привокзаль-

ной площади вспыхнул и грянул, выдувая колбасы тугой, повисающей в воздухе музыки, невидимый дотоледуховой оркестр: там округлый господин с крестообразной эмблемой на лацкане пиджака, повторяемой бородатыми от кистей партийными штандартами, вышагивал походкой голубя перед строем каких-то полувоенных, из-за разной толщины и сутулости похожих на соленые огурцы.

Онемевший Крылов, слыша только шум своего закупоренного мозга, придержал незнакомку за локоть и попытался улыбнуться. Женщина освободилась, мягко пожав плечом, и, не глядя на оркестр и строй, тихонько двинулась совсем в другую сторону — как бы пробуя на прочность соединившую ее и Крылова невидимую ниточку. Там, куда она направлялась, все было ярче, лучше, чем на три другие стороны света: приманчиво пестрел нарядными, подарочно оформленными лекарствами аптечный киоск, фонтанчик на мокром шесте, похожий на маленький ветряк, радужно посверкивал водяной перепонкой, множество пустых троллейбусов, образуя собственное пространство из качки, стекол, отражений в стеклах, колыхалось возле конечной остановки, где неподвижно стояли сощуренные от солнца пассажиры. Испугавшись, что если он сейчас не двинется за ней, то женщина просто разматывает его, будто катушку ниток, до какой-то голой сердцевины, Крылов устремился вслед, подстроился, пришаркнул, поспешно договаривая прерванную шутку; уклончивая улыбка была ему наградой.

— Между прочим, я тоже с детства люблю этот анекдот, — насмешливо сказала женщина, медленно ступая по расшатанным плитам, хлюпающим сыростью протекающего фонтана.

— Я знаю много других, — поспешно сообщил Крылов, выдавливая из-под плиты себе на кроссовку черную жидкую плюху.

— Наверное, все мои любимые, — заметила женщина.

— Тогда я каждый расскажу по четыре раза.

— Вы всегда такой разговорчивый?

— Нет, только когда голодный. Вот, кстати, вы не завтракали? Смотрите, там подвальчик, наверное, кафе.

— Это не кафе, а магазин “Товары в дорогу”.

— Неужели здесь не продают ничего съедобного?

— Продают, но только все такое, знаете, позавчерашнее. Я бы не советовала.

— Ничего, я однажды целый месяц питался консервами, которым было, представляете, по восемнадцать лет. Вскрываешь банку, а там не мясо, а сухой кусочек торфа. Кисель варил из брикетов вместе с бумагой, приросло...

* * *

Это был очень странный, очень длинный день; все городское майское только что отцвело и лежало папиросной бумагой в перегретых лужах — и запах тонкого тления, сырого сладкого табака печально переслаивал зеленые бодрые запахи уже совершенно сплошной, холодной на ощупь листвы. Долгое время каждый считал, что тот, другой, его ведет, а сам он только следует чужой, еще непредсказуемой прихоти. При малейшем неверном шаге пугаясь расстаться, они сосредоточенно искали линию равновесия, заводившую их порой на проезжую часть. Это было трудно, это был труд — приоровиться к не-